

онъ считалъ лучшей изъ своихъ «поэтическихъ дочекъ». Для послѣднихъ его лѣтъ это такой же автобіографическій фактъ, какъ его лирика для молодой поры. Онъ успокоился въ «своей» семьѣ, которой такъ долго искалъ; не было молодости, за то есть идиллическая старость, окруженная любовью, и ему теперь по сердцу и античная простота гомеровскаго быта, отданная настоящему, и протяжно звучащій стихъ Одиссеи. Тайнственное «тамъ» уступило мѣсто очарованному «здѣсь», за «живой заборъ» семьи «не залетаетъ воспоминаніе о прошедшемъ», въ крайнемъ случаѣ «милое минувшее дружится съ настоящимъ». Онъ счастливъ, но въ письмахъ звучитъ новая нота страданія: не по томъ, что не сбылось, а по томъ, что привязало его къ настоящему и можетъ быть отнято. Въ такія минуты онъ снова обращался вѣрой къ грядущему; онъ ждетъ покорно, готовится, но не приготовленъ. «Земная жизнь — страданія питомецъ», писалъ онъ «На кончину Е. В. королевы Виртембергской» (1819); тридцать лѣтъ спустя онъ повторитъ за Гольмомъ: «страданіемъ душа поэта зрѣетъ».

Передъ нами весь кругозоръ интимной лирики Жуковскаго: онъ ограниченъ личной жизнью, и въ ней уголкомъ чувства, тихо волнующагося, призывного, грѣющаго, томящагося по чѣмъ-то реальномъ или не здѣшнемъ. Нѣтъ отзвуковъ волненій жизни, патріотическіе мотивы «Пѣвца» и посланія къ «Императору Александру» стоятъ особо; гражданскія темы, къ которымъ призывалъ его кн. Вяземскій, отсутствуютъ, поэтъ не отзывался на нихъ. На все кругомъ себя онъ смотрѣлъ «сквозь сонъ поэтическій», все идеализовалъ, и друзья боялись рокового дара Мидаса — обращать въ золото все, до чего бы онъ ни дотронулся. У Жуковскаго «все поэзія — царскія двери, дьячки, пономари», трунилъ въ 1819 г. кн. Вяземскій; «все для души», повторялъ поэтъ за Карамзинымъ и самъ всюду искалъ и находилъ «душу». «На землѣ все для души», писалъ онъ въ 1843 году государынѣ Александрѣ Феодоровнѣ, «царства и родъ человѣческій суть только явленія, существуетъ одна душа, и каждая отдѣльная душа на своемъ мѣстѣ значитъ болѣе, чѣмъ всѣ царства